

ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ ПРАВЯЩЕЙ СИЛЫ

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Последний год характерен дебатами групп поддержки действующей власти. В том, что именовалось «охранительством» и ссылалось на «путинское большинство» возник широкий плюралистический спектр мнений. Группируясь вокруг партии «Единая Россия», он почти не связан с влиянием оппозиционных партий. В этом выпуске «Русского журнала» мы зондируем новый «охранительный плюрализм» голосами членов партии и близких ей экспертов. Речь идет не о его мощности, а скорей о его симптоматичности.

Консервативен ли еще «охранитель»?

Как говорить о плюрализме в отношении партии, считающейся инертным обслуживающим инструментом власти, партии, которая объявила своей идеологией «консерватизм»? Некоторые на этом основании противопоставляют «Единую Россию» Дмитрию Медведеву с его политикой модернизации, другие «спасают лицо» паролем «консервативной модернизации». Но когда консерваторы идут на модернизацию, это не значит, что сама модернизация — консерва-

тивна. Консерватизм в России растет из исторического опыта сопротивления насилию и крови. Его единственное разумное оправдание — **запрет на повторные ломки изломанной нации — табу на рабство, табу на кровь.** Без этого русский консерватизм не имеет смысла и является пустой болтовней.

Концепт *ненасильственной модернизации* обоснован — экономически, технологически и геополитически. Но прежде всего это заявка на лидерство. Когда Медведев говорит именем *«абсолютного большинства»* народа, он выступает не как социолог, а как лидер-моралист. Его опора — моральное, ценностное большинство, **претендующее и на политическую суверенность.** В русской политической культуре суверенитет указывает личную независимость в ее связи с национальной. Суверенная демократия — как выбор свободы на базе независимости государственной — есть принцип политического суверенитета личности. Он отклоняет любые претензии, людей или инстанций, господствовать над мыслью, верой и личным выбором людей.

Президент Медведев не просто хочет преодолеть отсталость — корень отсталости он видит в комплексах насилия, бесправия, нигилизма — *рабских* комплексах. **Медведев не хочет быть президентом рабов.** Отказываясь быть «президентом рабов», Медведев наследует пафос Путина — пафос национального сопротивления. Первое президентство Путина и было национальным восстанием — борьбой за независимость и национальное достоинство России. Медведев акцентирует этот путинский пафос, переводя его в идеологический регистр. Идеология, которая еще не будучи оформлена, уже меняет политическую атмосферу.

«Либеральное царство»: президент-меценат плюс сервисное обслуживание

Спротивление идее правящей партии опирается на демократически-царистскую идеологию. Та требует, чтобы возлюбленный президент правил как царь-меценат — демократический царь, не скованный ни партией, ничем вообще. То же советовали Ельцину, перегрузив его неисполнимыми чрезвычайными полномочиями. Идеино **«демо-монархизм» — это апология «однополярной» политики, политики action directe — прямых силовых распоряжений.** В такой модели президент оказывается меценатом передовых элит, тонкой пленкой плавающих на поверхности клановой толщи держателей ресурса, административного и иного. Такое «креативное меньшинство» может спастись лишь ценой оказания незаменимых услуг элитам. Его лидер в этом случае превращается в их заложника, сервисный центр чужой политики.

Очень многие считают, что нужно освободиться от «этой партии». Она инертная, слабоуправляемая, она им кажется примитивной. Эти идеи сколь просты, столь туповаты.

Лояльность власти не означает, что партия, в которую входят практически все кадры исполнительной власти, не оказывает на эту власть влияния. **Партия приняла тандем Медведева-Путина как институт и усвоила его правила.** А тандем — это формула определенной публичной политики, формула публичного плюрализма. Партия сработалась с этим механизмом. Она адаптировалась и научилась работать по новым правилам. Это значит, что она совместима и с определенным уровнем плюрализма во власти. *Освободившись от партии большинства, лидер остается наедине*

не с шеренгой силовых монополий. Устранив из политической игры «партию большинства», президент остается наедине с силами, которые не сможет контролировать. Политика рухнет в лапы хищных лобби — финансово-экономических, паравоенных и парасиловых, региональных. Это не значит, что сегодня их контролирует правящая партия, — но она их сдерживает.

«Единая Россия» — система нулевых чтений не только при корректировке законопроектов, но и при корректировке руководства страной. Пока президент Медведев определяется, нужна ли ему партия, и какая, он уже опирается на эту — **в той степени, в какой правит он**. Если же он не сумеет провести курс на активизацию правящей партии в рамках своей «новой стратегии» (при участии, неизбежно, и других партий), ему останется предъявить свой, альтернативный вариант *силовой политики* (такой вариант вполне вероятен) — либо проиграть.

Партийная политика в замещение силовой?

Силовая политика, силовое маневрирование хорошо разработано и зачастую имеет удобные формы, привлекательные для национального сознания. Оно легко в понимании, удобно в управлении и часто эффективно. Оно часто вовсе не грубо — применение силы гибко диверсифицировано по регионам и социальным группам, оно всегда учитывает сопротивляющие сред и иные особенности. И если мы хотим все же чего-то иного, необходимо привести в движение довольно сложный, общенациональный, вертикально интегрированный, диверсифицированный механизм. А такой механизм только один — это партия, партия большинства.

Вот здесь задача формирования «Единой России» как правящей партии становится для Медведева неизбежной. Но парадокс в том, что как партия — придаток власти, «пила и лопата», по верному замечанию Ви-

талия Иванова, она вынесена за рамки тандема. Если тандем сформирован в части управления исполнительной властью, то **в секторе публичной политики тандем не доформирован!** Он прекрасно действует во всех сферах — **кроме партии**, остающейся доменом Владимира Путина. Впервые Медведев (очень осторожно) постучался в этот домен на осеннем съезде «ЕР». Правящей «Единая Россия» может стать только при специальных общих усилиях Медведева и Путина.

Президент ведет речь о **конституционной конверсии власти** — возвращения ее из размытого, узурпированного состояния к надежно стандартизированным государственным правилам — институтам. Эта повестка была заложена еще ранним Путиным, и им самим никогда не пересматривалась. Это и есть повестка путинского большинства — а не мнимые «социальный патернализм» и «рабская психология», безуспешно (десятилетиями!) приписываемые российскому избирателю.

Иное большинство?

Политика 2010 года будет решена на сцене путинского большинства — так или иначе. Здесь важен вопрос: путинское **«большинство»** и **«медведевские меньшинства»** — это действительно **разные среды, как принято считать?** Действительно ли партийная среда «Единой России» — совершенно другая, «монотонная и одномерная» среда, чем интеллигентские среды?

Медведев движется вслед реальности, он не склеивает разнородное, а признает фактический плюрализм большинства. Изменилась сама модель большинства. Когда элитолог Ольга Крыштановская и музыкант Игорь Бутман вступают в партию «Единая Россия» — это что? Это большинство возвращает себе ранее потерянные меньшинства. **Медведевская политика включения меньшинств — и принуждения партии власти к диалогу с ними — догоняет реально идущий процесс национальной консолидации.**

Политике инклюзивности соответствует новая фаза собственной динамики путинского большинства, внутри которого возникают бесчисленные сообщества, среды и меньшинства. Медведев просто узаконивает фактическое положение дел и вносит в политику необходимую корректировку. Он устраняет помехи внутри безудержно консолидирующейся нации.

Сегодняшняя цифра поддержки Путина скорее недооценивает потенциал большинства. Цифра доверия Путину и высокий электоральный рейтинг «Единой России» — не максимальны, поскольку более не эксклюзивны. **Путинское большинство стало инклюзивным еще до того, как Медведев перешел к политике включения меньшинств.** Оно расширяется, а не распадается. Эта расширяющаяся российская вселенная похожа на космологическую схему Большого Взрыва. И едва ли Большой Взрыв повторится еще раз.

Поэтому Медведева уже трудно остановить. Его доктринальный пафос создает новые рамки политики. Лидер свободных людей не может принудить их к правилам силового рабства, пускай добровольного или монетизируемого. Здесь возникает этически лавинообразный процесс, вынуждающий к конверсии модели. Сама путинская модель **суверенной свободной политической нации России** — этого требует.

Принуждая «ЕР» к политике договоренностей с оппозицией на местах, Медведев принуждает партию власти становиться правящей партией. Оппозиционные партии, пока публичная политика недосформирована, играют роль гормонов активизации «Единой России». Уже после осенних выборов определилась их новая роль «политических стартеров». Сейчас после Госсовета это будет складываться в определенную схему взаимодействия: президент — правящая партия — партии оппозиции — местная власть. ■